

Н. И. МУШИНСКИЙ
Республика Беларусь, г. Минск

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Историческое осмысление гендерной проблемы приобретает особую актуальность в начале XXI в. Быстрое развитие путей сообщения, создание принципиально новых средств транспорта и связи объединило человечество, привело к столкновению цивилизаций. Нравственная неготовность к равноправному взаимовыгодному сотрудничеству способствовала росту конфронтации. Наметился кризис традиционной рациональности, связанной с неограниченным господством военно-промышленного комплекса, обострением глобальных проблем современности. Все это постмодернистская философия охватывает под рубрикой «логоцентризма» [4, 91], выдвигает идею «деконструкции», стремясь тем самым сгладить возникшие противоречия, дать человечеству возможность выбора тех или иных более благоприятных путей дальнейшего развития. Исторически логоцентризм связан с господством «мужского шовинизма», приобретает вид «фаллоцентризма», поэтому гендерная проблематика имеет особый статус в рамках постмодернистского дискурса.

Навязывая с позиции силы «единственно правильную», так называемую «научную» эпистему, лого(фалло)центризм порождает ложные образы, «симулирующие» действительность. Исторически «сменилось три порядка симулякров: подделка составляет господствующий тип классической эпохи от Возрождения до промышленной революции; производство составляет господствующий тип промышленной эпохи; симуляция составляет господствующий тип нынешней фазы» [2, 113]. Рассматривая этот процесс с точки зрения «археологии гуманитарных наук» [9, 70, 90–92, 326], постмодернистский феминизм указывает, что эпоха Ренессанса характеризовалась тождеством слов и вещей (слово – символ); в классическом естествознании XVII–XVIII вв. слова и вещи начали соотноситься через мышление (слово – образ); в настоящее время они опосредованы языком (слово – знак).

На этой основе массовая культура и государственная пропаганда создают многочисленные мифологемы. В качестве примера Р. Барт называет миф о «марсианах», когда в условиях глобального противостояния «западная мифология приписывает коммунистическому миру ту же чужеродность, что и какой-нибудь планете: СССР – это мир, промежуточный между Землей и Марсом» [1, 67]. Для современной лого(фалло)центристской мифологии «одна из устойчивых черт... – это неспособность вообразить себе другого. Инакость – понятие, к которому «здравый смысл» испытывает более всего неприязни» [1, 68–69]. Подобный искаженный рационализм утверждает ситуацию «монолога», при которой «научный» патерналистский дискурс заглушит своим «голосом» все остальные точки зрения («фоноцентризм»), противостоит им как «древесная» структура сознания в рамках соответствующих «бинарных оппозиций» (как ствол дерева – ветвям и листьям, чему-то второстепенному).

С точки зрения гендерной проблематики постмодернизм связан с феминистским движением, которое трактуется не только в социологическом смысле (по мере того, как

начинает обоснованно требовать равноправия с мужчинами во всех областях социальной жизни), но и подвергается углубленной теоретической интерпретации с использованием элементов фрейдовского психоанализа. В психологическом плане мужчинам присущи проявления сексуально агрессивного поведения, которые сочетаются с пренебрежением к чувственно-эмоциональному личностному своеобразию Другого, тяготением к односторонне-логическому истолкованию действительности.

Подобный дискурс исторически начал формироваться в глубокой древности, когда женское, материнское начало, связанное с функцией деторождения, приобрело предикат табуации, отвращения, позора, мистического ужаса. В авторитарных обществах «попытке установить мужскую фаллическую власть сильно угрожает не менее решительная власть другого, угнетенного... пола. Этот другой пол, женский, становится синонимом радикального зла» [6, 107]. Возникает репрессивный тип мировосприятия, связанный с фрейдовскими структурами «Я» (сознание, рационально-логическое мышление) и «Сверх-Я» (моральные и религиозные запреты, препятствующие свободному выражению бессознательных инцестуальных желаний – «Оно»). В частности, уже в ветхозаветных библейских текстах божество принимает соответствующее наименование, обращаясь через Моисея к народу, неоднократно повторяет: «Я – Яхве, Бог ваш». Именно «от имени «Я» ... далее следуют ... моральные запреты» [6, 140]. Эта тенденция продолжается и в христианстве, где в духе радикального патернализма конституируется «понятие греха, ... основанное на идее *воздаяния*» [6, 157–158].

Ренессанс вносит свой вклад в ощущение негативной антитезы другого, создавая художественный образ инаковости. Ненормальность, воплощенная в мирских пороках, олицетворяется в таких произведениях, как «Корабль дураков», «Похвала глупости», «через Бранта, Эразма, через всю гуманистическую традицию безумие осваивается сферой дискурса» [8, 47–48]. В классическую эпоху (XVII–XVIII вв.) обитателями лечебных учреждений наряду с умалишенными являлись вольнодумцы, атеисты, «либертины», «сочинители проектов», нищенки, «девицы легкого поведения»; любое отклонение от буржуазно-патерналистской системы ценностей несет на себе печать «инакомыслия» и «ущербности ума». Однако все лого(фалло)центристские попытки научно классифицировать безумие и устранить его из общественной жизни оказались обречены на провал. История XX в. показала, что безумие в конечном итоге одержало верх над разумом, вырвалось на свободу, через массовую культуру и тоталитарную идеологию проникло в общественное сознание, подчинило себе науку и технологию.

Тем не менее лого- и фаллоцентризм догматически настаивают на своей правоте. С точки зрения постмодернистского феминизма в настоящее время все стороны общественной жизни (экономика, политика, международные отношения) несут на себе печать мужского шовинизма, что приводит к эскалации немотивированного насилия [10, 453]. Возникает эпистемологический образ унифицированного линейного пространства: «Фаллос... подобно плугу, вспахивающему плодородный слой земли, *прочерчивает линию на поверхности*» [5, 264]. Такого рода нарративная линейность, основанная на прерогативе «научности» и культе грубой силы, принципиально не допускает ничего другого.

В то же время в отличие от однобокой мужской логики, стремящейся к подавлению любого инакомыслия, эмоции и чувства, присущие женской натуре, предполагают большую гибкость, избирательность, изменчивость, возможность непосредственной реакции на любое конкретное изменение обстоятельств. Различные эмоциональные оценки происходящего вполне могут мирно уживаться вместе, поэтому для современного человечества, озабоченного преодолением последствий глобального противостояния, экологического кризиса, стремящегося к достижению мирного сосуществования отдельных рас и ци-

визаций во всем их многообразии, обеспокоенного опасностью международного терроризма, женский тип психики является предпочтительным.

На этой основе постепенно реализуется проект *деконструкции*, на смену монополии «голоса» приходит идея «письма», допускающего одновременное высказывание различных мнений, их поливариантное сосуществование, «наука – *грамматология* – везде в мире делает решающие усилия для своего освобождения» [3, 117]. «Древесная» структура уступает место художественному образу «ризома», грибницы, стелющейся по земле и дающей множество равноценных отростков. «Смерть автора» предполагает многомерность, многоплановость текстов, их нелинейность, появление «хаоса дискурсивных практик», позволяющего выявить бесконечное множество иных, более целесообразных путей социального развития. «Политика, в которой будут равно уважаться стремление к справедливости и стремление к неизвестному, обретает свои очертания» [7, 159], постмодернистский феминизм придает новую направленность современной истории.

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
3. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
4. Деррида Ж. Позиции. Киев, 1996.
5. Делез Ж. Логика смысла. М.; Екатеринбург, 1998.
6. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб., 2003.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998.
8. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
10. Violence and body: race, gender, and the state / edited by Arturo J. Aldama; foreword by Alfred Arteaga. Bloomington: Indiana University Press, 2003.